

Некоторое время спустя.

Корабли из Лордерона один за другим швартовались у причала, наполняя воздух шумом хлопающих парусов, скрипом такелажа, дерева и руганью матросов. Бочки с грохотом скатывались по сходням, лебёдки выгружали мешки в верёвочных сетях, которые тут же растаскивали грузчики. Где на телегах, где выюками на конях, где просто на спинах носильщиков груз непрерывной рекой тек по главной улице города, разбиваясь на мелкие ручейки, что вливались во дворы таверн, но основной поток шёл на центральный рынок. Караван дошёл без потерь, но сильно растянулся, и теперь корабли заходили один за другим, стараясь избежать столкновений с уже пришвартовавшимися и пирсом. Благо погода к этому располагала – ветер дул несильно и без порывов, позволяя хорошо управлять судами. Матросы вовремя сворачивали паруса, сбавляя ход, а бухты верёвок смягчали столкновение бортов с каменными пирсами.

Гарнизон стражи в начищенных до блеска доспехах сбивался с ног, обеспечивая порядок, следя за тем, чтобы ушлые воришки не стащили под шумок часть груза. На улицах разрастался стихийный праздник, такой же стремительный и жаркий, как весна в Нортренде. Городок стал мал для такого количества посетителей, съезжающихся со всего побережья, но власти не спешили его расширять. Большую часть года он стоял пустым, а возводить следующее кольцо стен накладно. Гуляние вырвался за его пределы, лоточники разворачивали палатки, зажигались костры. Там и тут играла музыка, и люди танцевали и пели.

Вразус тоже поддался атмосфере праздника, третьего на его памяти. В первый раз он прибыл сюда с такими же как он искателями наживы. Север манил своими сокровищами, обещая лёгкое богатство. Но когда корабли, забрав товары, ушли обратно, Нортренд показал своё лицо. Местные не спешили брать к себе пришлых, видя в них воров и гультовых, а когда городок опустел и закончились последние деньги, не промотанные на празднике, наступили поистине чёрные дни. Летом тут ещё можно было жить, перебиваясь случайной работой, но когда прибыл осенний караван, многие искатели счастья влезали в долги, стремясь убраться обратно в Лордерон.

Сам Вразус остался, радуясь, отплытию конкурентов и рассчитывая, наконец, разбогатеть. Надеждам его не суждено было осуществиться – кормить бесплатно никто не хотел, как и брать на китобойные судна. Лодку купить не мог – местные ломили такую цену, как будто она из бархатного дерева. А сделать её самому вчерашнему крестьянину было не под силу. И не удивительно, что однажды ему и трём оставшимся доходагам сделали предложение, на которое они тут же согласились. Пришедшие холода и отсутствие крыши над головой давали только одну альтернативу, а умирать не хотелось. Он с содроганием вспоминал, как пережил первую зиму. Холодный, пронизывающий до костей ветер, брызги, покрывающие палубу ледяной коркой и беспросветный мрак.

Будь его воля, он ни дня не остался бы на этом негостеприимном побережье, но корабли станут отплывать только в конце праздника. Голос Ночи помог ему покрыть накопившийся за зиму долг, и теперь он свободен!

Нарак, сверив последние данные, закрыл книгу. Деньги любят тишину, как и он сам. Пусть ярмарка приносит основную прибыль, но праздник стал ему безразличен давным давно. Пока рано считать «не пойманную рыбу», но доходы в эту навигацию обещали получиться большими. Запасы контрабандного товара собраны, и ждут своего часа для переправки на материк. Негромкий стук прервал его размышления, а вскоре на пороге появился человек, с невыразительной внешностью. Его можно было принять за кого угодно – грузчика, рыбака или стража в отставке, но только не за благородного. Одежда его была пусть и добротной, но такой же не запоминающейся.

- Чем порадуешь, Рэндотан?

- Вразус не заметил, как его номер обыскали, клада там нет. И мальчишки, что следят за ним, не выяснили, кому он мог его передать.

- Плохо. Почему ты не думаешь, что он решил просто уехать обратно? – спросил Нарак подчинённого.

- Такие как он уезжают только в поисках лучшей доли. Наш алхимик готов был взять его в ученики, такой чистый яд у него получился. А раз отверг предложение, значит нашёл ещё что-то ценное. Приберём его, в подвале быстро разговорится.

- Не стоит, – отверг предложение Нарак. – Пусть его перехватит таможня – я шепну нужным людям, что товар идёт мимо них. Но следить за ним не прекращай. Удастся вычислить подельника – возьмём тут.

Грузчики справились с морем товара, освободив место на улицах для праздника. Многие разошлись по кабакам, опрокинуть стаканчик-другой, остальные присоединились к празднующим. Каждый дом был украшен венками из цветов и зелёных веток, красиво оттеняющий серость каменных стен. Люди весело плясали, кожаные подошвы сапог и ботинок шлёпали по булыжным мостовым, им вторил перестук деревянных башмаков девушек, вливаясь в задорный мотив дудок и струнных инструментов, похожих на гитары, только с круглым основанием.

Скупщики не пытались воспользоваться подпитым состоянием местных, ведь в первые сутки согласно традиции нельзя заключать сделки. И любую из них на следующий день признают недействительной. Вразус втянул запах жарящегося мяса и полевых цветов, разбавленных нотками зловония из канавы. Свободные деньги требовали продолжения веселья, и он отправился в таверну – перекусить и выпить дорогого вина, что прибыло на кораблях.

С наступлением сумерек праздник не прекратился, хоть и сбавил немного обороты. Над каждой дверью зажгли по фонарю на китовом жире, в их свете каменные стены заиграли новыми красками. Таинственный полумрак скрыл скопившийся за день мусор и грязь, придавая городку загадочный вид. Вразус, покачиваясь, брёл по улицам. Голос певца привлёк его внимание, и он остановился, слушая чистый, приятный голос под аккомпанемент чего-то вроде лютни. Выступающая пара собрала небольшую толпу, подросток пел, а девушка играла, в поставленную шапку то и дело летели медяки. Растроганный Вразус тоже потянулся к кошельку, извлекая медную монетку. Артисты и вправду хорошо выступали, а денег у него скоро будет столько, что он не то что медяки – золотые считать перестанет!

Я, подключившись к чувствам приспешника, тоже любовался праздником, правда по-своему. И дело не во вновь «обретённых» ощущениях. Мне был интересен весь мир, и незнакомая архитектура, и одежда жителей, говорящая о как минимум мануфактурном производстве. Окна были застеклены, камни мостовой и домов хорошо обработаны и плотно пригнаны друг к другу. Корабли тоже удивляли количеством своей оснастки. Я, конечно, не доктор исторических наук, но прошлое Земли помню не только по учебнику истории. В своё время пересмотрел множество обзоров по укладу жизни в разные эпохи, и знал их основные признаки.

А ещё я почувствовал... Ностальгию. Не знаю, сколько я болтался в междумирье, но Нер'Зул успел прожить больше ста лет. Я же, пусть и с пропусками, прочувствовал большую её часть. И сейчас я был как будто на экскурсии в средневековом городе. И пусть люди не были моими современниками, но всё равно было приятно вновь ощутить себя среди людей. Орочьёя память шевельнулась, отзываясь неприязнью. До второго вторжения через Тёмный Портал люди не были интересны Нер'Зулу. Поражения, что терпели орки раз за разом тоже не трогали меня, но когда Кадгар прервал ритуал, открывший множество путей в другие миры, гнев и злость завладели моим сердцем.

С новой силой навалилась «не переваренная» память, когда одна пытка сменяла другую, выводя запредельную боль на новый уровень. Если бы не маг людей, всё могло быть по-другому! Становление артефактом притупило чувства, но нелюбовь к людям осталась. Умом-то я понимаю, что сам во многом виноват, но и Кадгар поломал мои планы. То-то в игре Артас, ведомый Королём Мёртвых совсем не берёт своих подданных – ни мертвых, ни живых. Вторых вообще уничтожал с каким-то удовольствием, и теперь мне понятны мотивы этих действий. Хмм, то-то мне с троллями общаться приятней, чем получать давно забытые чувства через Вразуса...

Некоторое время спустя.

Огров Хизенал захотел стать личем, чтобы лучше понимать мир духов. Пришлось вправить мозги чересчур ретивому служаке – пусть сперва побольше троллят наделает, а уж потом обретает Вечность. Оставшаяся тройка жрецов была в годах, а потому вскоре удостоились моего Дара. Несмотря на помощь в личизации всех одарённых Ледяного Копья, скорость

ритуала не увеличивалась. Спешка никогда к хорошему не приводит, да и я в конце концов, не скелетов поднимал. Приходилось вникать в происходящие процессы и корректировать, используя свой немалый опыт и тонкость магического восприятия. Не хватало специалистов, да и ритуал был ещё недоработанным, а потому вместо руководства приходилось всё делать практически самому. Впрочем, это было хорошее средство от скуки, да и от качества поднятой нежити зависела сила моей империи.

Теперь, когда тролли маги получили дар, пришла пора награждать остальных верных сторонников. Суровый быт выкашивал стариков, а потому они встречались только среди одарённых. Но с четверть троллей вплотную приблизились к этому рубежу. Опытные воины, пережившие не один набег на соседей, знающие как справиться с гигантскими волками или ускользнуть от охотничьего отряда нерубов. Ещё пара-тройка лет, и мышцы станут быстрее терять силу, старость начнёт брать своё несмотря на легендарную троллиную регенерацию.

Первым я выбрал Ксаромаха. Был он самым старым и авторитетным из всех, а потому такая кандидатура ни у кого не вызвала вопросов. Впрочем, сильно оглядываться на общественное мнение я не собираюсь – надо будет, сделаю то, что считаю нужным. Но если планы совпадают, зачем делать всё по своему? Резон, конечно, был – приученные к тому, что я каждый раз поступаю непредсказуемо, подданные будут спокойно воспринимать любой приказ. Но это убьёт почти любую инициативу – к чему действовать, если в следующий момент придётся переделывать или вообще делать наоборот?

Ксаромах, оставив копье и сняв вещи, стоял в центре поселения. Личи затянули заунывные песнопения, славя меня и прося обратить внимание на слугу, достойно соблюдавшего заповеди. К песнопениям добавились прыжки и покачивания – изменять порядок поклонения высшим силам я не стал, оставив прежний. Ножи в лапах то и дело оставляли кровавые порезы, но для ветерана это были пустяки.

Повинуясь жесту Хизенала, тролль улёгся на алтарь, готовясь принять мой Дар. Магия, повинуясь воле хозяев, наполнила алтарь, заставив мерцать покрывающие его символы. Тело Ксаромаха пронзила боль, но он не дрогнул ни единым мускулом. Сложно загнать в рамки силу, изменяющую мир, но зато при правильном настрое она прощает многие ошибки и неточности в ритуале. Когда ты сам, своей волей и верой реализуешь то, что нужно. Правда, работа с живым и разумным усложняется воздействием уже его воли и веры. Но когда они работают в унисон, это идёт только в плюс.

Глаза Ксаромаха полыхнули светом, теперь они были подобны двум мистическим огонькам. Мышцы налились нетроллиной силой, и высшее умертвие поднялось на ноги. Присев, тролль взвился в высоком прыжке, невозможном для живого, после чего огласил округу радостным рёвом.

– Велика награда Нер'Зула, – произнёс он. – Таким сильным я себя и пять зим назад не был.

Одевшись, он уступил место следующему ветерану, а личи снова затянули песню под радостное улюлюкание соплеменников. С каждым поднятием военный потенциал Ледяного Копья всё возрастал, но для захвата окрестных племён он не понадобится. Разве что когда

послы двинутся к чужим стоянкам, чтобы перехватить ретивых охранников.

Устройство троллиного общества и его мистические практики – открытая дверь для таких, как я. Для скорости отряды, усиленные личами, отправятся во все стороны. Через них я дозовусь до жрецов и знахарей, распространяя своё влияние.

<http://tl.rulate.ru/book/25802/549194>